

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Философско-гуманитарные науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 5 (10)

под редакцией доктора философских наук,
профессора В. Ф. Беркова

Минск
РИВШ
2008

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Дубинина А. П.</i> Понятие стиля культуры. Методологический аспект	3
<i>Кузнецов И. А.</i> Технологии современного мифотворчества: психологические и социокультурные аспекты	9
<i>Позняков В. В.</i> Темпоральные модусы культурного текста (или уроки «Аркадских пастухов» Пуссена)	15
<i>Саликов А. Э.</i> Безопасность национальной культуры в условиях глобальных интеграционных процессов	24

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абраменко Е. Г.</i> Становление парламентаризма в Республике Беларусь и перспективы его развития	32
<i>Антанович Н. А., Козлова С. А.</i> Развитие политической науки в странах СНГ	39
<i>Аргучинцева Д. Г.</i> Методологические аспекты исследования национализма в современной политической теории	45
<i>Вергейчик Ж. Н.</i> Вызовы глобализации для государственного управления западных стран	51
<i>Веруш А. И.</i> Специфика модели политического лидерства в Республике Беларусь	57
<i>Гречнева Е. Ф.</i> Общественная политика как наука и социальная практика	63
<i>Давыденко С. С.</i> Политическая культура студенческой молодежи Беларуси как фактор формирования социально зрелой личности	70
<i>Денисюк Н. П.</i> Формирование этнической политики Республики Беларусь в современных условиях	75
<i>Денисюк Н. П., Стром А. В.</i> Государственная власть в политической системе белорусского общества	82
<i>Евстафьев В. А.</i> Особенности проявления и резервы повышения политической активности белорусской молодежи	87
<i>Иванцов М. В.</i> Нация-государство: поиски ответов на вызовы глобализации	96
<i>Кизима С. А.</i> Глобальная стратегия США	102
<i>Криштапович Е. А.</i> Глобализация: истоки, противоречия и тенденции развития	110
<i>Криштапович Л. Е.</i> Инновационный характер белорусской модели демократии	118
<i>Кузнецова И. А.</i> Модель электорального выбора с позиций системного подхода	124

В. А. Евстафьев

Полесский государственный университет, Пинск

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ И РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена особенностям проявлений общественно-политической активности молодых белорусов в условиях трансформации социальных и политических устоев в постсоветский период. Поднята проблема необходимости эффективного использования потенциала государственных институтов и молодежных общественных объединений в целях повышения политической активности молодых людей. Акцентировано

87

внимание на необходимости увеличения молодежного присутствия и всех уровнях представительной власти и детального пересмотра и усиления ресурсов социальных институтов, оказывающих политико-воспитательное воздействие на молодое поколение.

Трансформация основных политических институтов и механизмов реализации политической власти внесла существенные изменения характер политической социализации белорусской молодежи. Возникла проблема переопределения роли политических институтов в этом процессе. Одним из ключевых компонентов ее разрешения выступает ответ на вопрос о возможности посредством доступных молодежных форм политического участия стать реальным субъектом государственного строительства.

Политическая активность молодежи выступает не только как актуальная составляющая текущих внутривнутриполитических процессов, но как значимый фактор сохранения белорусской государственности уже в ближайшей исторической перспективе.

Постановка вопроса о молодежи как относительно автономной социальной группе – явление в отечественном обществоведении не новое. Работы И. С. Кона, С. Н. Иконниковой, Т. Лисовского, посвященные исследованию молодежи как социально-демографической группы населения, появились еще во второй половине 60-х гг. XX в. [1–3].

Рост интереса к проблемам социально-политической активности молодежи был отмечен в середине 80-х гг. появлением работ А. И. Ковлера, В. В. Смирнова, Е. Б. Шестопаля, А. М. Миграняна. Однако эти публикации в основном носили общий характер и были посвящены критике теорий и исследований западных политологов [4–6].

Начиная с середины 90-х гг. XX в., с началом реализации в Беларуси практических мер по основным направлениям государственной молодежной политики, отмечается возобновление исследований, посвященных молодежной политической активности, – работы Е. М. Бабосова, А. В. Данилова, С. Д. Лаптенка, М. Н. Хурса и др.

Отметим, что трансформация политико-экономических условий формирования гражданственности молодежи, произошедшая в последние полтора десятилетия, привела к появлению новых особенностей в механизмах ее социализации. Это обуславливает необходимость в появлении целостных подходов к проблеме позиционирования молодежи в политических процессах.

Рассматриваемая проблема охватывает широкий перечень аспектов, часть которых принадлежит в большей степени к политической «злобе дня», другие же относятся к политической повестке стратегического плана. К первой группе необходимо отнести прежде всего аспекты молодежного политического участия, которые выступают как составляющая электоральных процессов. Они объективно предполагают пристальное внимание и учет текущих политических настроений и ориентаций молодежи.

С другой стороны, характер молодежной политической активности, статусные позиции молодых в социальной и политической структуре общества, а также механизмы и глубина вовлеченности данной социальной группы в решение важнейших государственных проблем во многом определяют долгосрочные перспективы развития общества.

Наряду с выявлением взаимосвязей между динамикой политических процессов, с одной стороны, и политическим поведением молодежи – с другой, изучение проявлений ее политической активности позволяет рассматривать проблему включенности молодого поколения в политические процессы с позиций нахождения своеобразных «точек концентрации» этой активности, прежде всего организационных и идеологических. В этом отношении очень важно иметь четкие представления о рассредоточении наиболее равнодушных и активных членов молодежной среды между «формальными» и «неформальными» политическими секторами. Реальное знание о таком распределении, в свою очередь, позволит выносить адекватную оценку эффективности мероприятий, предпринимаемых в рамках государственной молодежной политики в части, направленной на формирование политического сознания. При этом появляется возможность говорить о таком важном условии политического становления молодежи, как ее социально-политическая субъектность. Наличие такой субъектности предполагает разумное сочетание общественных и государственных интересов при условии сохранения пространства для автономных молодежных инициатив и поддержания институциональных основ их самостоятельного воплощения.

Преобладающие в белорусской молодежной среде формы общественно-политической самореализации, в отличие, например, от недавних протестных проявлений французской молодежи, на протяжении последних лет проявляют себя преимущественно в качестве второстепенных, не доминирующих составляющих политического процесса. Однако их анализ может позволить с высокой степенью вероятности предвидеть контуры политической реальности в недалеком будущем.

Говоря о таком предвидении, необходимо с сожалением отметить, что в нашей стране до настоящего времени не сформировано единое пространство исследований актуальных молодежных проблем. В отличие от стран – соседей СНГ наша республика пока не имеет самостоятельных научных структур, специализирующихся на ювенологической тематике по примеру Института молодежи в Российской Федерации. Этим обстоятельством во многом определяется отсутствие единой политики в организации исследований молодежи и молодежных объединений Беларуси. В свою очередь отсутствие постоянных общереспубликанских мониторинговых проектов по молодежной тематике затрудняет корректное сопоставление данных, полученных в разные периоды различными исследовательскими группами.

К основным формам политической активности молодежи, которые привлекают внимание большинства отечественных исследователей молодежной политической активности, необходимо отнести политические интересы и электоральное поведение молодых белорусов.

По одному из наиболее используемых определений, политический интерес – «...это тот внутренний осознанный источник политического поведения, который побуждает субъекты политики к постановке определенных политических целей и осуществлению конкретных политических действий по их достижению» [7, с. 645].

У молодежи политический интерес к событиям, происходящим в политической сфере, выступает как начальный этап формирования отношения к политике и как одна из важнейших предпосылок к вовлечению молодых людей в процессы политического участия. В последующем, углубляясь, политический интерес выступает как реальная причина социальных действий, событий, свершений.

По данным исследования, проведенного научными сотрудниками Института социологии НАН Беларуси и опубликованного в 2001 г., не интересуются и не участвуют в политике 34,8 % опрошенных молодых людей. Большинство (60,4 %) интересуются политикой, но не участвуют в ней. Активны в политической жизни в той или иной мере только 3,4 % респондентов [8, с. 72].

При попытке интерпретировать эти данные закономерно возникает вопрос о том, с каких позиций оценивать хотя и растущий, но все же невысокий по отношению к общей массе уровень политического интереса нашей молодежи?

С позиций ориентиров, заданных в середине 50-х гг. XX в. американскими учеными Г. Алмондом и С. Вербой, с политическим активизмом нашей молодежи ничего необычного не происходит. 5–10 % от общего количества молодых людей, проявляющих наиболее активный интерес к политической жизни, может оказаться вполне достаточно для пополнения когорты политических менеджеров государства, сконструированной по модели президентской или парламентской республики.

Сопоставление с практиками политической социализации советского периода, которые предполагали всеобщую политизацию молодежи путем массового вовлечения в многочисленные формы советской, партийной, комсомольской и профсоюзной работы, приводит к выводу о гражданской и политической пассивности молодых людей. Принимая допущение о том, что политический интерес как начальная стадия вовлечения в пространство насущных социальных и государственных проблем синонимичен патриотизму и гражданственности, необходимо признать, что социальная база носителей «государственного инстинкта» среди молодежи существенно сократилась. По этой причине необходима некая система политических координат с четко артикулированными и прорисованными «осями». Функцию этих осей должны выполнить императивы сохранения государственности и поддержания социальной стабильности.

По нашему мнению, планирование государственной молодежной политики в части мероприятий, направленных на воспитание гражданственности и патриотизма, замедляется из-за недостаточной степени осознания глубины последствий для молодежи свершившихся (и идущих) общественных трансформаций. Иными словами, зачастую рассмотрение проблем молодежной активности происходит вне контекста даже наиболее общих из уже свершившихся социальных изменений.

Так, например, молодежь в государственных целевых программах воспринимается как социально-демографическая группа с высокой степенью внутренней однородности. Факторами, воздействующими на состояние молодежного сегмента общества, традиционно считаются образовательные или профессиональные различия между ее членами, а также особенности, связанные с местом их проживания. Очевидно, что влияния, приводящего к существенному расслоению молодежной среды и политико-мировоззренческим расколам в ней, эти факторы не называют.

Вместе с тем к настоящему времени наряду с указанными факторами на процессы стратификации молодежной среды начинает ощутимо воздействовать имущественный критерий. Его роль в политическом позиционировании себя молодыми людьми в условиях появившегося политического выбора и конкуренции возрастает. Вспомним, что мировоззренческое расслоение, обусловленное появлением и ростом тенденций к усилению материальной символизации в молодежной среде, стало актуальной социальной проблемой задолго до распада СССР, а появление в политике «молодого человека потребляющего» как нового социального типа в постсоветский период фактически осталось в проблемном поле политологической рефлексии.

Особенностью сохраняющихся еще с советских времен педагогических и исследовательских подходов является рассмотрение молодежной политической активности через призму педагогического всеобъемлющего управляемой и организуемой социальной среды. Однако за последние пятнадцать лет социальная среда в известном смысле утратила свою системную и идеологическую однородность, усложнилась в структурном отношении, стала ощущаться ее меньшая «управляемость». Признание ювенологами этих трансформаций если и происходит, то имеет самый общий характер и не сопровождается «расшифрованием» особенностей новой реальности в контексте выявившегося иного типа ее воздействия на молодежь. Сущность новых тенденций воздействия социальной среды на молодого человека попытка выразить А. Панарин: «Массам предлагается богатый выбор удовольствий. Провозглашена свобода чувственности от всякой морали. Интенсивно развивается индустрия удовольствия. ... Проект сей оказался губителен для всего мира – ведь он дает установку тотальной деморализации человека, что молодежь особенно соблазняет: «Всем захотелось стать веселыми, раскованными и никому ничем не обязанными». Потому и аполитизируют молодежь – зачем ей политика? ... Вся-

кая там политика, митинги, акции, защита того, протест против сего и прочая ерунда – это для лузеров, которым заняться больше нечем. Так они сублимируют свои жалкие комплексы и выражают зависть к Успешным Людям. А Успешный Человек – он деньги зарабатывает и ни на что больше не отвлекается» [9, с. 3].

Важно, что уровни методологического и ресурсного обеспечения технологий политического просвещения и мобилизации молодежи в сегменте социальной среды, включающем образовательную систему, государственные СМИ и государственные предприятия, уступают аналогичным уровням вненациональных источников информационных потоков. Большая часть этих источников имеет унифицирующую природу, ориентирована на подсознание молодых людей и имеет целью «стирание» этнокультурных кодов из их мировоззрения. При этом ими отрицаются любые жизненные смыслы, кроме ничем не сдерживаемого потребления.

Ресурсы же образовательной системы, реализуемые через преподавание учебных дисциплин социально-гуманитарной направленности и информационные мероприятия, замыкаются в основном на возможности. Очевидно, что при отсутствии специального института подготовки идеологических коммуникаторов (т. е. политических агитаторов и пропагандистов) результативность этой работы приобретает негарантированный характер и всякий раз попадает в зависимость от суммы индивидуальных убеждений и навыков так называемых говорящих голов, т. е. фактически от субъективных условий и обстоятельств. Активизация работы государственных СМИ, направленной на формирование национальных политических установок в сознании населения, коррелирует, как правило, с периодизацией электоральных циклов в стране. В условиях наличия социального заказа на регулярное и направленное политическое воздействие, адресованное молодежи, со стороны теле- и радиоканалов имеет место не внедрение в массовое молодежное сознание образцов, несущих элементы национального традиционализма и здорового политического консерватизма, а, скорее, подстраивание под образы и типы, уже сформированные современными и, снова отметим, вненациональными молодежными субкультурами.

Одним из серьезных ресурсов формирования политической активности молодых людей выступает возможность непосредственного участия в процессе подготовки и принятия политических решений. Формой политического участия, предоставляющей такую возможность, является деятельность в составе депутатского корпуса представительной ветви власти на всех уровнях политической системы.

Максимальная эффективность в решении проблемы артикуляции и выражения интересов социальных субъектов в процессе принятия законов предполагает обеспечение в структуре парламентского представительства всех социальных групп и слоев общества, в том числе и молодежи.

Сравнительный анализ демографических характеристик кандидатов в депутаты и избранных депутатов по итогам выборов в Палату представителей Национального собрания 2000 г. показывает, что числен-

ность зарегистрированных кандидатов в возрастной категории от 18 до 23 лет составила 4 человека, от 24 до 29 лет – 23 человека. Удельный вес кандидатов в депутаты, относящихся по возрастному критерию к молодежи, в общей сумме зарегистрированных (642 человека) составил 4,2 %, что примерно в четыре-пять раз ниже ее удельного веса в демографической структуре населения республики. Из числа кандидатов молодежного возраста в состав нижней палаты парламента прошел только один, что составляет менее 1 % от ее численного состава и 3,7 % от зарегистрированных кандидатов.

Представительство молодежных интересов в нижней палате белорусского парламента, избранного в 2004 г., осуществляют два депутата (представители БРСМ М. Орда и Е. Скрипко). В составе Совета Республики молодежь представляет один депутат, избранный от Могилевской области, – А. Должевский.

По данным ИСПИ при Администрации Президента Республики Беларусь молодежь в возрасте до 30 лет составила в числе кандидатов в депутаты местных советов на выборах 2003 г. 7,56 % (в 1999 г. – 5,6 %). Число молодых людей в новом депутатском корпусе местной представительной власти составило 7,15 % (в 1999 г. эта возрастная группа составила 5,2 % от общего числа депутатов). В столице в городской Совет не избрано ни одного депутата в возрасте до 30 лет. Авторы исследования подчеркивают парадоксальность результатов данных выборов по Минску, где сосредоточены все крупнейшие высшие учебные заведения страны и огромное число молодежи в промышленно-производственном секторе экономики. В областных Советах депутаты в возрасте до 30 лет заняли 3,4 % депутатских мест, в районных Советах – 5,4 %, в городских Советах: города областного подчинения – 2,6 % и города районного подчинения – 8,7 %, в поселковых Советах – 6,7 % и в сельских Советах – 7,8 %. Следует заметить, что приведенные цифры очевидно говорят об электоральной слабости действующих в республике молодежных объединений, которые не в состоянии эффективно втянуть на участие молодежи в избирательном процессе. По мнению исследователей, «это крайне негативный симптом, который свидетельствует ... не о низкой политической активности молодежи, как утверждают некоторые политики и СМИ, а об отношении электората нового избирательного цикла к местным Советам как органам представительной власти» [10, с. 82].

В этом случае, по нашему мнению, в качестве причин данного явления можно указать на следующие факторы.

Во-первых, за последние 15 лет на ценностной шкале молодежи произошло значительное смещение от коллективно-социальных ценностей индивидуалистически-потребительским.

Во-вторых, возможности для обеспечения молодежного представительства в органах представительной власти значительно уменьшились в силу сокращения ее численного состава на всех уровнях административного деления в 90-е гг. XX в.

В-третьих, в условиях политической конкуренции предвыборная борьба для молодых кандидатов в «государственные мужи» становится малоэффективной. Так происходит потому, что их совокупные предвыборные ресурсы несопоставимы с теми возможностями, которыми располагают ангажируемые в законодательную сферу представители реального сектора, принадлежащие к старшей возрастной группе и имеющие корпоративную спайку (нередко еще комсомольскую) и организационные навыки и опыт.

Вместе с тем зависимость между электоральным участием и политической активностью может быть рассмотрена через призму не только прямой, но и обратной связи. В этом случае фактическое молодежное представительство в органах власти способно играть роль фактора, стимулирующего молодежную активность. С одной стороны, в случае увеличения этого представительства возрастают возможности продвижения в парламенте и местных органах самоуправления правовых актов молодежной направленности. С другой – появление в реальной политике заметного числа молодых людей, а вместе с ними и типического образа молодого политика в информационном пространстве стимулировало бы формирование в массовом молодежном сознании представлений о политической деятельности как актуального способа выражения насущных интересов. Такой образ, «встроенный» средствами масс-медиа в воспринимаемые молодежью знаково-символические ряды, мог бы способствовать росту ее конструктивного интереса к политическим процессам. Отметим, что очевидным преимуществом такого «сценария» является открытый характер роста политической активности молодежи, а также возможность институционального контроля над большей частью ее проявлений.

Говоря о гражданской и политической активности молодежи, нельзя обойти вниманием такие важные институты ее выражения, как общественные объединения. Основным результатом постсоветского периода для молодежных объединений СНГ, как представляется, стало первоначальное повышение, а затем существенное понижение уровня их организационной автономии. В настоящий момент идее молодежного объединения постепенно возвращается утраченный ранее статус одного из компонентов политических технологий при одновременном увеличении количества политических субъектов, для которых стала доступной реализация таких технологий. При этом выявилась новая особенность процесса встраивания молодежных объединений в процессы их коммуникации как с государственными институтами, так и с оппозиционными структурами. Она выражается в появлении типичной для «политического рынка» ситуации, когда в обмен на возможность некой автономии, необходимой, скажем, для решения социальных проблем, в структуру деятельности молодежных объединений внедряется политическая компонента.

Таким образом, политическая деятельность нередко имеет характер навязанной, выступает как внешняя по отношению к самим организа-

В-третьих, в условиях политической конкуренции предвыборная борьба для молодых кандидатов в «государственные мужи» становится малоэффективной. Так происходит потому, что их совокупные предвыборные ресурсы несопоставимы с теми возможностями, которыми располагают ангажируемые в законодательную сферу представители реального сектора, принадлежащие к старшей возрастной группе и имеющие корпоративную спайку (нередко еще комсомольскую) и организационные навыки и опыт.

Вместе с тем зависимость между электоральным участием и политической активностью может быть рассмотрена через призму не только прямой, но и обратной связи. В этом случае фактическое молодежное представительство в органах власти способно играть роль фактора, стимулирующего молодежную активность. С одной стороны, в случае увеличения этого представительства возрастают возможности продвижения в парламенте и местных органах самоуправления правовых актов молодежной направленности. С другой – появление в реальной политике заметного числа молодых людей, а вместе с ними и типического образа молодого политика в информационном пространстве стимулировало бы формирование в массовом молодежном сознании представлений о политической деятельности как актуального способа выражения насущных интересов. Такой образ, «встроенный» средствами масс-медиа в воспринимаемые молодежью знаково-символические ряды, мог бы способствовать росту ее конструктивного интереса к политическим процессам. Отметим, что очевидным преимуществом такого «сценария» является открытый характер роста политической активности молодежи, а также возможность институционального контроля над большей частью ее проявлений.

Говоря о гражданской и политической активности молодежи, нельзя обойти вниманием такие важные институты ее выражения, как общественные объединения. Основным результатом постсоветского периода для молодежных объединений СНГ, как представляется, стало первоначальное повышение, а затем существенное понижение уровня их организационной автономии. В настоящий момент идее молодежного объединения постепенно возвращается утраченный ранее статус одного из компонентов политических технологий при одновременном увеличении количества политических субъектов, для которых стала доступной реализация таких технологий. При этом выявилась новая особенность процесса встраивания молодежных объединений в процессы их коммуникации как с государственными институтами, так и с оппозиционными структурами. Она выражается в появлении типичной для «политического рынка» ситуации, когда в обмен на возможность некой автономии, необходимой, скажем, для решения социальных проблем, в структуру деятельности молодежных объединений внедряется политическая компонента.

Таким образом, политическая деятельность нередко имеет характер навязанной, выступает как внешняя по отношению к самим организа-

циям и предназначена для решения тактических задач «заказчиков». Опыт наиболее динамичных политических процессов в ряде стран СНГ и Восточной Европы иллюстрируется примерами неприкрыто «заказного» конструирования молодежных организаций, реализующего текущие задачи политических лидеров и групп, стремящихся к власти. Так, в Российской Федерации стало политической нормой, когда проекты по созданию молодежных организаций «...носят сугубо частный характер и будут сдаваться в аренду за деньги» [11].

В нашей республике сделана ставка на доминирование в сфере государственной молодежной политики одной молодежной организации – БРСМ. При этом государство поставило ее перед необходимостью заложить в «конструкцию» возможности реагирования на максимально возможный спектр интересов и запросов современной молодежи, включая и политические.

Необходимо учитывать, что, несмотря на сохраняющийся интерес к участию в деятельности молодежных объединений со стороны части белорусской молодежи, содержание этого интереса заметно прагматизировалось. Прагматизм молодых людей проявляется здесь не только в стремлении получить от членства в организации какие-то материальные блага, сколько в желании осязать конкретные позитивные изменения, которые итожили бы их участие в работе молодежного объединения. По этой причине должны поощряться проявления автономной инициативы, а стратегия эффективной молодежной организации должна разумно сочетать в себе элементы мобилизации и результативной автономности.

Опыт показывает, что новые программы и мероприятия, разрабатываемые и принимаемые для исполнения на различных уровнях организации, изначально алгоритмизируются преимущественно аппаратом организации. Регулярная повторяемость в течение относительно небольшого периода в 2–3 года позволяет достигать при проведении данных мероприятий высокого организационного уровня, превращая их в устойчивые и «привычные» формы деятельности актива организации.

В то же время инициативные предложения, поступающие в комитеты молодежного объединения от «неформалов», не всегда имеющих четкие представления об основах оргработы, практически во всех случаях требуют адаптации и перевода на формализованный язык. Задача институализации молодежной активности, возлагаемая на местные комитеты союза, заключается в том, чтобы наряду с реализацией общесоюзных плановых программ и мероприятий сохранять ресурсы для плодотворного развития позитивных инициатив низовых ячеек и «неформалов». Другими словами, адаптация неформальных молодежных инициатив к ритмам деятельности союза требует от актива БРСМ на местах постоянной готовности к нестандартным организационным подходам.

Выводы:

1. Потенциал представительных органов власти как ресурса формирования и поддержания конструктивной и созидательной политичес-

кой активности молодежи на сегодняшний день используется недостаточно. По нашему мнению, необходимо принять меры по увеличению молодежного присутствия на всех уровнях представительной власти.

2. Необходим детальный пересмотр ресурсов социальных институтов, оказывающих политико-воспитательное воздействие на молодое поколение с их последующим усилением до состояния, соответствующего параметрам информационного общества.

3. Формирование политической и гражданской активности молодежи должно предусматривать алгоритмы гибкой адаптации к проявлениям неформальной инициативы всех возможностей, имеющихся в распоряжении молодежного движения страны.

Список литературы

1. Кон, И. С. Социология личности / И. С. Кон. – М., 1967. – 383 с.
2. Иконникова, С. Н. Молодежь как социальная категория / С. Н. Иконникова, И. С. Кон. – М., 1970.
3. Иконникова, С. Н. Молодежь: социальный и социально-психологический анализ / С. Н. Иконникова. – Л., 1974. – 166 с.
4. Ковлер, А. И. Демократия и участие в политике. Критические очерки теории и истории / А. И. Ковлер, В. В. Смирнов. – М., 1986. – 192 с.
5. Шестопаля, Е. Б. Личность и политика. Критический очерк современных западных концепций / Е. Б. Шестопаля. – М., 1988. – 203 с.
6. Мигранян, А. М. Политическое участие в буржуазных теориях демократии / А. М. Мигранян // Рабочий класс и современный мир. – 1988. – № 1. – С. 142–154.
7. Жуков, В. И. Общая и прикладная политология: учеб. пособие / В. И. Жуков, Б. И. Краснов. – М., 1997. – 992 с.
8. Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / Е. М. Бабосов [и др.]; под ред. Е. М. Бабосова. – Минск, 2001. – 160 с.
9. Поляков, В. Запасной бронепоезд / В. Поляков // Литератур. газета. – 2006. – 8 авг. – С. 3.
10. Выборы-2003: социологический анализ / М. Н. Хурс [и др.]; под ред. М. Н. Хурса. – Минск, 2003. – 260 с.
11. Сдаю «под ключ» молодежный проект [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://www.stringernews.ru/Publication.mhtml?PubID=3941&Menu=&Part=0>. – Дата доступа: 05.07.2006.